

— *Винюкова А. К. (Россия)*
— *Vinyukova A. K. (Russia)*

СМЫСЛ КАК ОТГОЛОСОК АНТИЧНОСТИ

Проблеме смысла в XX веке уделено особое внимание, помимо лингвистики она разрабатывается в рамках философии (феноменология, герменевтика, аналитическая философия), психологии, логики. Разговор о смысле зачастую ведется в плоскости «смысл – значение». Взгляд на смысл с этой позиции был задан немецким логиком, философом и математиком Г. Фреге (1848 – 1925): «Знак как таковой... может мыслиться не только в связи с обозначаемым, то есть тем, что можно было бы назвать значением знака, но и в связи с тем, что мне хотелось бы назвать смыслом знака; смысл знака – это то, что отражает способ представления обозначаемого данным знаком» [11, с. 183]. Высказанная Фреге мысль в некоторой степени перекликается со стоической формулировкой лектон, где лектон есть «то, что устанавливается в соответствии с разумным представлением» [8, VIII, 70-71]. Анализ античного концепта лектон, на наш взгляд, позволит взглянуть на смысл под новым углом зрения.

В глубокой античности обнаруживается тесная связь между словом и предметом, слово аккуратно вписывается в бытие, в результате чего предмет откликается на зов имени: «В архаические эпохи внутреннее единство слова и предмета было до такой степени самоочевидно, что истинное имя воспринималось как некая часть его носителя или даже как его представитель, то есть как он сам. Характерно, в этом смысле, что греческое обозначение того, что мы называем словом, «онома», означает вместе с тем «имя», и прежде всего имя собственное. Слово, таким образом, рассматривается с точки зрения имени. Но имя есть то, что оно есть, только потому, что нечто зовется этим именем и отзывается (hört) на это имя... Правильность имени подтверждается тем, что некто на него отзывается. Имя поэтому кажется принадлежащим (angehörig) самому бытию» [2, с. 471]. Итак, ситуация принадлежности бытию рождает вопрос о правильности, который начинает разрабатываться Платоном (428/527 – 348/347). В диалоге «Кратил» Платон предполагает, что правильное слово должно выражать сущность предмета, то есть слово

и вещь должны совпадать в некой общей постоянной точке [7, 428 е]. При таком положении дел, когда слово находится внутри бытия (и есть само бытие, так как выражает сущность вещи), появляется возможность словесного влияния на действительность. Словесность, как и предметность, оказывается включенной в бытие.

Помимо онтологической проекции слова в античности зарождается и другая модель. В логическом учении ранней Стои происходит своеобразная переориентация слова с предмета на мысль, в учении о лектоне задается новый вектор его развертывания. Лектон выступает как нечто добавочное, существующее между предметом и звуком: «...Существует какое-то бестелесное словесное обозначение, которое отделено и от обозначающего звука (как, например, от слова «Дион») и от соответствующего предмета (как, например, сам Дион) [8, VIII, 75]. Стоики отказывают смыслу в телесности, а так как реально существующим они признают только тело, то у лектона вместе с телесностью отнимается и необходимая для существования доза бытия. Возможно, эта онтологическая дискриминация смысла была связана с напряжением внутри отношения «лектон – логос». По мнению стоиков, весь мир пронизан Логосом-Богом, разумным организующим началом, которое «прочитывается» на любом участке мироздания, начиная от вещи и заканчивая, основанном на ощущении, понятием: «.. Бог пронизывает все вещество и на одном уровне выступает как ум, на другом – как душа, на третьем – как природа, на четвертом – как структурное единство» [10, фр. 158]. Везде присутствует необходимость Логоса, и вследствие этого некое совпадение предмета в одном месте (в бытии) и в другом (в мышлении). Но стоики замечают, что в речи к мысли (понятию) добавляется нечто «со стороны». Рассматривая различные парадоксы, стоики замечают случаи «неадекватной» реализации понятия в слове. Они обращают внимание на то, что общие для всех понятия служат для выражения индивидуального смысла, который обладает собственной «логикой», не всегда согласующейся с «логикой» вещей. Смысл не может влиять на положение вещей (то есть действовать или испытывать воздействие), но он может выпадать из существующего порядка и, возможно, избегать влияния Логоса. А где может обитать такой феномен? Конечно же – за телом, в пустоте, в области бестелесного. Можно предположить, что лектон в некоторой степени подрывает безупречный авторитет Логоса, поэтому смысл выпадает из канвы бытия в область псевдобытия, в зону «как бы существующего». Такая словесность, уже оказывается по ту сторону бытия.

Своеобразную реанимацию стоического представления о смысле как о бестелесном можно обнаружить у Ж. Делеза. Бестелесное – это то, что не может ни действовать, ни испытывать воздействие, то есть не может влиять на положение вещей. Такое бестелесное лишено бытия: «Делез помещает смысл в сверхбытие, равнозначное небытию. Мастер метафор не случайно привлекает здесь словечко *aliquid*, которое характеризует неопределенность бытия смысла...» [5, с. 231]. Здесь, на наш взгляд, присутствует своеобразная антитеза «быть – выражать»: бытие не нуждается в выражении (оно просто и однозначно есть). В выражении нуждается нечто, чего в бытии нет. Для того чтобы объяснить этот тезис приведем фрагмент из Делеза, где он ссылается на известного исследователя стоицизма Э. Брейе: «Когда скальпель рассекает плоть, одно тело сообщает другому не новое свойство, а новый атрибут – быть порезанным. Этот атрибут не обозначает никакого реального качества... наоборот, он всегда выражен глаголом, то есть он не бытие, а способ бытия» [4, с. 14]. Скальпель и плоть представляют собой бытие, они есть некие фрагменты реальности. Что касается «быть порезанным», то мы не можем обнаружить «быть порезанным» нигде, кроме как в предложении. Это «быть порезанным» и есть смысл, это всего лишь «то, что выражается» и ничего более [4, с. 34]. Поэтому Делез неоднократно повторяет, что «смысл не существует вне выражающего его предложения» [4, с. 35].

Появление категории смысла способствовало переориентации языка со «слова о предмете» на «слово о мысли». Смысл вынуждает к постоянному проговариванию бытия, в каждом акте осмысления происходит невольное «вплетание себя в язык». Вращаясь в пространстве «мыслимой предметности» или смысла, истончается связь слова с реальным предметом, мир перестает откликаться на зов языка. Здесь уместно вспомнить слова М. Фуко: «Вещи и слова отныне разделены» [12, с. 79]. Язык более не нуждается в предмете, так как у него есть свой собственный предмет, тот предмет, который обнаружили стоики, имя его – «лектон» или «смысл». Можно предположить, что философы Стои создают ту модель слова, которая разворачивается сегодня. В отличие от Платона, стоики обязывают слово выражать не сущность предмета, но смысл (лектон), то что «имеет в виду» произносящий речь. Происходит своеобразная «подмена» предметности: вместо реальной предметности предлагается «бестелесная словесность» [8, VIII, 69]. Можно предположить, что современное информационное пространство есть следствие

этой «бестелесной словесности». С. Аверинцев, размышляя о божественном и человеческом слове, делает вывод о том, что «бытие – это пребывание внутри разговора, внутри общения» [1, с. 816]. Это пребывание «внутри разговора» осуществляется сегодня через Интернет, через особую смысловую сеть, в которую «вплетается» бытие. Человеческое сознание настолько тщательно переработало «вещи» в «звуки», что звуки стали реальнее самих вещей. Почти каждый современный человек имеет в сети своего идеального (словесного) двойника, причем реальное Я и Я «сетевое» («словесное») зачастую не совпадают, между ними образовывается своеобразная «дыра». Это несоответствие размеров слов и явлений может сильно растягиваться. Разрыв между явлением и смыслом увеличивается: один и тот же факт предстает в абсолютно разных интерпретациях. Смысл, который придается предмету, становится важнее его самого. На этот момент обращает внимание М. Фуко, он говорит, что современная мысль, в отличие от классической, которая занималась анализом представления, занимается «анализом смысла и значения» [12, с. 79]. Робкий бестелесный смысл, родственник пустоты, вдруг перешагивает порог бытия и пустота прорывается в мир.

Сегодняшний мир вплетен в язык намного больше, чем это мог себе представить В. Гумбольдт. Мир настолько запутался в языковой сетке, что рас-предметился и рас-творился в Коммуникации. Сегодня мы имеем дело не просто с Субъектом, а с Говорящим субъектом, который непрерывно вьет речь, непрерывно умножает смыслы. В этом речевом растворе, как в кислоте, растворяется все – и мир, и сам субъект.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аверинцев С.* Собрание сочинений / Под ред. Н. П. Аверинцевой и К. Б. Сивога. София – Логос. Словарь. – Киев. : Дух и литера, 2006.
2. *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод : Основы философской герменевтики : Пер. с нем. / Общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – М. : Прогресс, 1988.
3. *Гумбольдт В.* О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. ред. Г. В. Рамишвили; послесл. А. В. Гулыги и В. А. Звегинцева. – М. : ОАО ИГ «Прогресс», 2000.
4. *Делез Ж.* Логика смысла / Пер. с фр. Я. И. Свирского. – М. : Ака-

демический Проект, 2011.

5. *Кравец А. С.* Теория смысла у Ж. Делеза: pro и contra // Логос. – 2005. – № 4 (49).

6. *Лосев А. Ф.* История античной эстетики. Ранний эллинизм / Худож.-офор. Б. Ф. Бублик. – Харьков : Фолио ; М. : ООО «Издательство АСТ», 2000.

7. *Платон. Кратил* // Собрание сочинений в 4 т. Т. 1 / Общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса, А. А. Тахо-Годи. – М. : Мысль, 1990.

8. *Секст Эмпирик. Против ученых* // Сочинения в двух томах. Т. 1. / Вступит. статья и пер. с древнегреч. А. Ф. Лосева. – М. : Мысль, 1975.

9. *Столяров А. А.* Стоя и стоицизм / А. А. Столяров. – М. : АО Ками ГРУП, 1995.

10. Фрагменты ранних стоиков / Пер. и комментарии *А. А. Столярова*. – М. : «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 1998. – Т. 1.

11. *Фреге Г.* Смысл и денотат // Семиотика и информатика (вып. 8). – М. : ВИНТИ, 1977.

12. *Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой. Вступ. ст. Н. С. Автономовой. – СПб. : А-сad, 1994.

